

Л.В. Суханова

Иван Бездомный

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ПОНЫРЕВ, или просто ИВАН — поэт, пишущий под псевдонимом Бездомный. Он в очень короткий срок сочинил по заказу журнала большую антирелигиозную поэму, но редактор этого журнала Берлиоз был недоволен его произведением. Хотя Иван Бездомный и не пожалел на изображение Иисуса черных красок,

Берлиоза не устраивает, что Иисус у Ивана Бездомного получился совершенно как живой. Берлиоз доказывает Ивану: «Главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем простые выдумки, самый обыкновенный миф».

Разговор Ивана с Берлиозом происходит на Патриарших прудах. Вмешательство в их беседу иностранца дает Ивану Бездомному повод заподозрить того в шпионаже («он дурачком прикидывается, чтобы выпросить кое-что»). Предсказание незнакомца о близящейся гибели Берлиоза озлобляет Ивана, и он грубо одергивает его: «...Вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?». Собеседник не обижается и обещает Ивану, что тот и сам в скором времени сможет побывать в этом заведении.

Незнакомец рассказывает литераторам о Понтии Пилате и Иешуа. Рассказ этот производит на Ивана очень сильное впечатление, хотя ему и вновь кажется, что с ними разговаривает сумасшедший — ведь не может же нормальный человек уверять, что был свидетелем истории Пилата и Иешуа.

Последовавшая вслед за этим разговором смерть Берлиоза под колесами трамвая совершенно выбивает Ивана из колеи. «Он до того обезумел, что, упавши на скамью, укусил себя за руку до крови».

Наконец его осеняет мысль, что таинственный незнакомец мог сам подстроить смерть Берлиоза. И поэт яростно кричит: «Вы не немец и не профессор! Вы — убийца и шпион! Документы!» Он пытается привлечь прохожих к задержанию преступника, но ему мешает «гражданин в клетчатом костюме».

Иван устремляется в погоню за злодеями, к которым присоединился неизвестно откуда появившийся громадный черный кот, но компания рассыпается в разные стороны. Тогда Иван пытается поймать хотя бы одного кота, который, подойдя к трамваю, «нагло отсадил взвизгнувшую женщину, уцепился за поручень и даже сделал попытку всучить кондукторше гривенник».

Эта сцена настолько поразила Ивана, что он едва не потерял из виду главный объект своего преследования,двигающийся со сверхъестественной скоростью. И тут неожиданно для себя он почему-то соображает, что таинственный профессор непременно должен оказаться в доме № 13 и обязательно в квартире 47.

Одним духом взлетает Иван на второй этаж, входит в какую-то коммунальную квартиру и оказывается на кухне, где, сам не сознавая, зачем, обзаводится бумажной иконкой и свечкой, после чего вновь пускается на поиски незнакомца. Теперь путь Ивана лежал на Москву-реку — он опять был твердо уверен, что иностранец находится именно там.

Сняв с себя одежду и поручив ее совершенно незнакомому бородачу, Ивана кидает в холодную воду и плавает. Когда он вновь выходит на берег, бородача с его одеждой и след простыл. Остались только полосатые кальсоны, рваная толстовка, свеча, иконка и коробка спичек. В бессильной ярости грозит Иван кому-то кулаком и отправляется, захватив весь свой скарб, к дому литераторов, в разговорной речи именовавшемся просто «Грибоедов» (ходило поверье что некогда им владела тетка знаменитого драматурга).

И снова Иваном владеет уверенность, что уж в Грибоедове-то он непременно отыщет профессора.

В Грибоедове, в зале на втором этаже, томятся двенадцать литераторов, собравшихся на заседание правления МАССОЛИТа и ожидающих председателя — Берлиоза. Им и в голову не приходит, что к этому времени обезглавленное тело Берлиоза уже лежит на цинковом столе в морге.

Ровно в полночь все двенадцать, так и не дождавшись председателя, спускаются в ресторан, и в ту же минуту грянул знаменитый грибоедовский джаз. Тоненький мужской голос под музыку отчаянно закричал: «Аллилуйя!». И все в зале пускаются в пляс, словно сорвавшись с цепи.

Между столиками змеится слушок о гибели Берлиоза. «...Взметнулась волна горя, но подержалась, подержалась и стала спадать... Не пропадать же куриным котлетам де-воляй?»

Начинает возобновляться обычная ночная ресторанный жизнь, но тут снова происходит «нечто, уже совершенно из ряда вон выходящее и поразившее ресторанных гостей гораздо больше, чем известие о гибели Берлиоза».

У чугунной ресторанной решетки вспыхивает огонечек, и вместе с ним к веранде приближается привидение, оказавшееся не кем иным как «Иваном Николаевичем Бездомным — известнейшим поэтом».

Он заглянул под ближайший столик и воскликнул тоскливо: «Нет, его здесь нету!». «Потом он поднял свечу и вскричал: «Братья по литературе!.. Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он натворит неопишуемых бед!» — «Кто появился?» — раздалось со всех сторон. «Консультант! — ответил Иван, — и этот консультант сейчас убил на Патриарших Мишу Берлиоза... звоните сейчас в милицию, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами, профессора ловить... А я пока что обыщу Грибоедова. Я чувю, что он здесь!»

И, впав в беспокойство, Иван снова начинает размахивать свечой и заглядывать под столы.

Через четверть часа швейцар, милиционер, официант и поэт Рюхин «выносили спеленатого, как куклу, молодого человека, который, заливаясь слезами, плевался, норовя попасть именно в Рюхина, давился слезами и кричал: “Сволочь!”».

В сумасшедшем доме Ивану после его препирательства с врачом делают успокоительный укол и отвозят на кушетке с колесиками в палату № 117. Присмирившему Рюхину сообщают диагноз: «Шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм».

На следующий день Ивана навещает знаменитый профессор Стравинский, окруженный свитой в белых халатах, которая относилась к профессору очень почтительно. «Как Понтий Пилат!» — подумалось Ивану.

Доктор обменивается с окружающими несколькими фразами на чужом языке. «“И по-латыни, как Пилат говорит...” — печально подумал Иван. Тут одно слово заставило его вздрогнуть, и это было слово “шизофрения” — увы, уже вчера произнесенное проклятым иностранцем на Патриарших прудах, а сегодня повторенное здесь профессором Стравинским. “И ведь это он знал!” — тревожно подумал Иван». «“Вы — поэт?” — обратился к нему Стравинский. “Поэт”, — мрачно ответил Иван и впервые вдруг почувствовал какое-то необъяснимое отвращение к поэзии, и вспомнившиеся ему тут же собственные его стихи показались почему-то неприятными».

Профессору удается убедить Ивана в том, что ему следует не консультанта ловить, а заняться своим здоровьем. Спасение Ивана сейчас только в одном — в полном покое. Доктор взял руки Ивана в свои и долго, в упор глядя ему в глаза, повторял: «Вам здесь помогут... вам здесь помогут ...»

Иван остается в больнице и даже почти привыкает к ее порядкам. Его навещает сосед из 118 палаты, называющий себя мастером. Он стащил у фельдшерицы связку

ключей и таким образом получил возможность выходить на общий балкон и бывать у Ивана.

В разговоре с Иваном мастер поинтересовался профессией соседа. «Поэт», – почему-то неохотно признается Иван. Гость огорчается. «“Хороши ваши стихи, скажите сами?”» — “Чудовищны!” – вдруг смело и откровенно признался Иван. “Не пишите больше!” – попросил пришедший умоляюще. “Обещаю и клянусь!” – торжественно произнес Иван».

Иван рассказывает гостю вчерашнюю историю с консультантом, к которой посетитель проявляет величайший интерес. Когда Иван дошел до того момента, как Понтий Пилат в белой мантии с кровавым подбоем вышел на балкон (об этом Ивану и Берлиозу поведал «иностранец»), мастер прошептал: «О, как я угадал!»

Мастер сочувствует Ивану, но считает, что в случившемся виноват он сам — нельзя было вести себя столь развязно и даже нагло в споре с «консультантом».

«Да кто же он, наконец, такой?» – возбужденно спрашивает Ивана и получает веский и раздельный ответ: «Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной». — «Не может этого быть! Его не существует», – почти кричит Иван. «Его нельзя не узнать, мой друг! Впрочем, вы... вы меня опять-таки извините... вы человек невежественный?» — «Бесспорно», – вынужден согласиться Иван. «“Ну вот... ведь даже лицо, которое вы описывали... разные глаза, брови! Простите, может быть, впрочем, вы даже оперы “Фауст” не слыхали?”» Иван почему-то страшнейшим образом сконфузился и с пылающим лицом начал бормотать про какую-то поездку в санаторию в Ялту...»

Мастер в свою очередь рассказал Ивану свою историю. «...Я сижу здесь из-за того же, что и вы, именно из-за Понтия Пилата...»

С сочувствием и интересом слушает Иван, как мастер пересказывает свой роман. Ивану не терпится узнать, что же было дальше с Иешуа и Пилатом, но мастер умолкает («Я, вспомнить не могу без дрожи мой роман»).

Еще через день Ивана навещает следователь. «Но, увы, Иванушка совершенно изменился за то время, что прошло с момента гибели Берлиоза. Он был готов охотно и вежливо отвечать на все вопросы следователя, но равнодушие чувствовалось и во взгляде Ивана, и в его интонациях».

Прощаясь, следователь выразил надежду, что скоро прочтет новые стихи Ивана. «Нет, – тихо ответил Иван, – я больше стихов писать не буду... Стихи, которые я писал, — плохие стихи, и я теперь это понял».

Во время грозы мастер вместе с Маргаритой (после того, как их посетил Азazelло) навещают Ивана. Узнав, что они улетают с Воландом, Иван говорит: «Это хорошо, что вы сюда залетели. Я ведь слово свое сдержу, стишков больше писать не буду... Я другое хочу написать. Я тут пока лежал, знаете ли, очень многое понял». — «Прощай, ученик», – чуть слышно произносит мастер и тает в воздухе.

Миновало несколько лет. Каждый год, лишь только приходит пора весеннего полнолуния, под вечер появляется на Патриарших прудах скромно одетый человек лет тридцати с лишним. Это сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Поньрев.

Он всегда садится на ту скамейку, на которой некогда сидел вместе с Берлиозом. Он знает, что в молодости стал жертвой преступных гипнотизеров, а потом вылечился. Но кое с чем он совладать не может. «Сидя на скамейке, Иван Николаевич откровенно разговаривает сам с собой, курит, щурится то на луну, то на хорошо памятный ему турникет», у которого погиб Берлиоз. Затем он совершает каждый раз один и тот же путь по арбатским переулкам и останавливается у готического особняка, где когда-то жила Маргарита.

Возвращается он уже совсем больной. Пока жена не даст ему лекарства и не сделает укол, его мучат кошмары. Только после медицинской процедуры приходят к нему «какие-то возвышенные и счастливые сны».

По широкой лунной дороге идут Понтий Пилат и Иешуа, а за ними спокойный и величественный гигантский пес. «...Лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река», из которой возникает «непомерной красоты женщина» и выводит навстречу Ивану мастера. «Иван Николаевич во сне протягивает к нему руки и жадно спрашивает: “Так стало быть, этим и кончилось?” — “Этим и кончилось, мой ученик”», — гласит ответ. Женщина целует Ивана в лоб, и все исчезает. После этого Иван спит уже со счастливым лицом.